

Андрей КОФМАН

МАТРИАРХА РОССИЙСКОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКИ К СТОЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ КУТЕЙЩИКОВОЙ

Аннотация: Статья посвящена известному российскому латиноамериканисту В.Н. Кутейщиковой (1919–2012), которая стала второй после Коллонтай русской женщиной, награжденной государственным орденом Мексики «Ацтекский Орел» за заслуги в изучении мексиканской литературы. Однако Кутейщикова занималась далеко не только мексиканской литературой; в статье ее научная деятельность представлена гораздо шире. Автор показывает, что фактически она заложила основы научного изучения латиноамериканской литературы и наметила пути ее дальнейшего развития. Поэтому жизненный и творческий путь В.Н. Кутейщиковой рассматривается в неразрывном контексте с развитием российской латиноамериканистики в области литературоведения. Списки изданных до начала 60-х гг. XX в. произведений латиноамериканских авторов и критических работ ясно свидетельствуют о том, что латиноамериканистика в качестве самостоятельной отрасли филологической науки в российском литературоведении не существовало, поскольку не имелось сколько-нибудь внятных представлений о латиноамериканской литературе. Первым научным филологическим исследованием латиноамериканской литературы стала монография В.Н. Кутейщиковой «Роман Латинской Америки в XX веке» (1964). Поэтому автор статьи уделяет особое внимание этому этапному труду. Анализ этой книги наглядно доказывает, что ее автор обозначила и раскрыла ряд насущных тем и проблем, которые встанут в центр проблематики российской латиноамериканистики. Фактически В.Н. Кутейщикова стала провозвестником цивилизационного подхода к изучению латиноамериканской культуры и с удивительной прозорливостью наметила программу латиноамериканистских штудий на полвека вперед. Эти идеи получили развитие в работах 70-х гг., в частности, в книге «Новый латиноамериканский роман» (1976), написанной совместно с мужем, Л.С. Осповатом. В статье показано участие В.Н. Кутейщиковой в создании пятитомной «Истории литератур Латинской Америки»; подробно представлена ее последняя книга «Москва — Мехико — Москва. Дорога длиной в жизнь» (2000). В финале статьи дается духовный портрет В.Н. Кутейщиковой.

Ключевые слова: Вера Николаевна Кутейщикова, латиноамериканистика, Мексика, латиноамериканская литература.

© 2020 Андрей Федорович Кофман (доктор филол. наук, заместитель директора по научной работе и заведующий Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия) andrey.kofman@gmail.com

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

UDC 82(091)
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-9-283-307>

Andrey KOFMAN

MATRIARCH OF LATIN AMERICAN STUDIES IN RUSSIA VERA KUTEISHCHIKOVA'S BIRTH CENTENARY

Abstract: The paper is dedicated to the famous Russian Latin Americanist Vera Nikolaevna Kuteishchikova (1919–2012), who became the second Russian woman after A. Kollontai to be awarded with the Mexican Order of the Aztec Eagle for her merits in the study of Mexican literature. However, V. Kuteishchikova's specialization was not limited to the Mexican literature; her academic interests included a wide range of issues. The paper demonstrates that she laid the foundations for the scientific study of Latin American literature in Russia and outlined the ways for further research in the field. Therefore, V. Kuteishchikova's life and work are considered in an inseparable context with the development of Latin American literary studies in Russia. The list of the Russian editions and translations of Latin American writers and the number of critical works published before the 1960s clearly confirm the fact that until then Latin American literary studies did not exist as an independent branch of philological science in Russia, since Russian scholars had a very vague notion of the Latin American literature. The first research work in philology on the Latin American literature was the monograph by V.N. Kuteishchikova *Latin American Novel in the XX century* (1964). The paper pays special attention to this significant work. An analysis of this book proves that its author identified and revealed a number of essential topics and problems that would be center of Latin American studies in Russia. With an amazing sagacity V.N. Kuteishchikova mapped out a program for Latin American studies for half a century ahead. These ideas were developed in her work in 1970s, in particular, in *New Latin American Novel* (1976), co-written with her husband, L.S. Ospovat. The paper traces the participation of V.N. Kuteishchikova in the creation of the academic five-volume *History of Latin American Literatures*; analyzes her last book *Moscow – Mexico – Moscow. A Lifelong Road* (2000), gives a spiritual portrait of the Russian scholar.

Keywords: Vera Nikolaevna Kuteishchikova, Latin American Studies, Mexico, Latin American literature.

© 2020 Andrey F. Kofman (Doctor Hab. of Philology, Deputy director and head of the Department of Modern European and American Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia) andrey.kofman@gmail.com

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

UDC 82(091)
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-9-283-307>

Andrey KOFMAN

LA MATRIARCA DE LOS ESTUDIOS LATINOAMERICANOS EN RUSIA CENTENARIO DEL NACIMIENTO DE VERA KUTÉISHCHIKOVA

Resumen: El artículo está dedicado a la investigadora rusa de la literatura latinoamericana Vera Nikolaevna Kutéishchikova (1919 – 2012), que fue la segunda mujer rusa después de A. Kolontai, condecorada de la Orden Mexicana del Águila Azteca por los logros en el campo de la literatura mexicana. Sin embargo, Kutéishchikova estudiaba no solo la literatura mexicana, en el presente artículo su actividad científica se trata muy ampliamente. El trabajo demuestra que fue ella quien formó la base de los estudios científicos de la literatura latinoamericana en Rusia y trazó el camino para su desarrollo, por lo cual la ruta de la vida y de la creación de Kutéishchikova se analiza en el contexto de la evolución de los estudios latinoamericanos en Rusia. La lista de las obras de los escritores latinoamericanos, traducidas y editadas en Rusia, y de los trabajos de crítica literaria publicados hasta la década de 1960 confirman claramente que hasta aquel entonces no existían los estudios de la literatura latinoamericana, ya que los rusos tenían una noción muy vaga de la literatura latinoamericana como tal. La primera investigación científica en el pleno sentido de la palabra fue el libro de Kutéishchikova *La novela de América Latina en el siglo XX* (1964), por ello, el autor de este artículo le presta una atención especial. El análisis de este libro demuestra que Kutéishchikova destacó y reveló algunos temas y problemas que van a constituir el núcleo de la problemática de los futuros estudios literarios latinoamericanos y con una sagacidad milagrosa proyectó el programa de la investigación de literatura latinoamericana para el próximo medio siglo. Estas ideas se desarrollaron en los trabajos de los años 70, en particular, en el libro *La nueva novela latinoamericana* (1976), escrita en colaboración con su esposo, León Ospovat. El artículo describe la participación de Kutéishchikova en la *Historia de la literatura Latinoamericana* de cinco volúmenes, presenta con detalle su último libro titulado *Moscú – México – Moscú. La ruta larga como la vida*, pinta el retrato espiritual de la investigadora rusa.

Palabras clave: Vera Nikolaevna Kutéishchikova, los estudios latinoamericanos, México, la literatura latinoamericana.

© 2020 Andrey F. Kofman (Doctor habilitado en filología, vicedirector y jefe del Departamento de Literatura Contemporánea de Europa y América, Instituto de Literatura Mundial Máximo Gorki de la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú, Rusia) andrey.kofman@gmail.com

Последняя книга Веры Николаевны Кутейщиковой (1919–2012) называлась «Москва — Мехико — Москва. Дорога длиною в жизнь». Об этой замечательной книге разговор пойдет позже; пока же отмечу, что «дорога длиною в жизнь» автора пролегла не только по маршруту «Москва — Мехико — Москва»: этот путь, куда более широкий и значимый, оказался, скажем так, длиною в целую отрасль филологической науки — российской латиноамериканистики, считая от ее начала. И потому мы, представители младшего поколения российских латиноамериканистов, почтительно именовали Веру Николаевну «матриархой». Судьба вывела ее на эту дорогу по неведомой нам прихоти, но вывела должного для этого поприща человека, который уже не сворачивал с избравшего его пути.

Скупым штрихом очерчу биографию Матриархи. Вера Николаевна родилась 29 декабря 1919 г. в г. Тула. Отец до революции был служащим банка, в советское время нашел себе применение в качестве бухгалтера-экономиста; мать была домохозяйкой. В 1937 г. Вера Николаевна поступила на исторический факультет МГУ. В 1941 г. по решению Министерства Просвещения по окончании четвертого курса была направлена без защиты диплома в Хабаровский педагогический институт для преподавания курса всеобщей истории. Эта поездка имела судьбоносное значение. В Хабаровске она познакомилась с Львом Самойловичем Осповатом, будущим спутником жизни, а пока они вынуждены были расстаться на несколько лет, когда Льву Самойловичу исполнилось 18 лет и он был призван на фронт. После того, как Лев Самойлович вернулся с войны, они женились (1947). Их семья оказалась не просто счастливой и гармоничной, она стала творческим содружеством двух людей, посвятивших себя изучению и пропаганде латиноамериканской культуры. Вера Николаевна вовлекла мужа в круг своих интересов, помогла ему выучить испанский язык, и он стал авторитетнейшим знатоком испанской и латиноамериканской литературы (и не только литературы), автором ряда блестящих книг, не утерявших своего значения донныне, так что его с полным на то основанием можно называть Патриархом российской латиноамериканистики. В 2022 г. исполнится сто лет со дня его рождения, и я надеюсь к юбилею дополнить эту статью работой о творчестве и о личности Льва Самойловича.

Вернемся в военные годы. В 1943 г. Вера Николаевна возвратилась в Москву, где в тот же год случилось Событие, определившее дальнейший маршрут ее жизни. По рекомендации ее пригласили рабо-

тать во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей (ВОКС), курировать связи с Латинской Америкой. Имеет смысл предоставить слово самой Вере Николаевне и привести фрагменты ее воспоминаний из упомянутой книги:

ВОКС состоял из нескольких так называемых территориальных отделов, главными из которых являлись английский и американский. Контакты с оккупированной Европой, естественно, отсутствовали, а вот с Обществами дружбы, возникшими в Великобритании, США и Латинской Америке в поддержку воюющей России, была налажена постоянная связь. Многие выдающиеся деятели культуры США выражали тогда солидарность с нашей страной: помню обмен телеграммами с Чарли Чаплиным, Леопольдом Стоковским, восстановление отношений с Сергеем Рахманиновым. Для писательницы Лилиан Хеллман была даже организована поездка на фронт. Пожаловала ко Дню Победы и мадам Черчилль, патронировавшая в качестве супруги премьер-министра Великобритании помощь России; ее приезд вызвал немалый переполох.

В отделе американских стран, как и в целом в ВОКСе, работали по преимуществу женщины (мужчин назначали начальниками). Почти все мы были молоды, а некоторые уже успели стать вдовами. И вот что удивительно: ни раны, нанесенные войной, ни тревоги, ни бесконечные бытовые трудности не являлись помехой в работе — именно здесь и находила выход наша еще не растроченная жизненная энергия.

Недавние выпускницы-гуманитарии, мы стремились сохранить дух студенческого товарищества и особенно чувство юмора, столь необходимое для того, чтобы переносить тупость некоторых из начальников или иронизировать над собственным нашим участием в международных делах, — срабатывал здоровый инстинкт самосохранения от вируса тщеславной суетности. Впрочем, бороться с этим вирусом помогала и общая спартанская обстановка, в которой нашему брату, а точнее нашей сестре, было трудно забаловаться. Наутро после какого-нибудь вечернего приема, где, весело щебеча, мы изображали светскую беспечность, приходилось перетаскивать тяжелые пакеты с почтой, выслушивать идиотские наставления или разносы. Изредка выходя на авансцену, мы всегда помнили, что на самом деле оставались простыми рабочими за кулисами.

Сегодня, пытаясь представить атмосферу тех лет, я нередко задумываюсь: откуда брались в нас чувство повышенной ответствен-

ности, дисциплинированность, способность к самоотдаче? В целом эти качества были присущи большинству людей того времени. Но сотрудников ВОКСа характеризовала еще одна черта, а именно сознание особой причастности к делам политическим и отсюда неотступный страх совершить какой-нибудь промах, особенно если речь шла о секретной переписке. В ВОКСе, конечно же, существовала так называемая спецчасть, бдительно охранявшая свои бумаги, а заодно и нас, постоянно работавших с ними. Порой раздавались грозные окрики из этого отдела, но очень часто его же сотрудники «спасали» нас, когда мы забывали вовремя вернуть секретные документы.

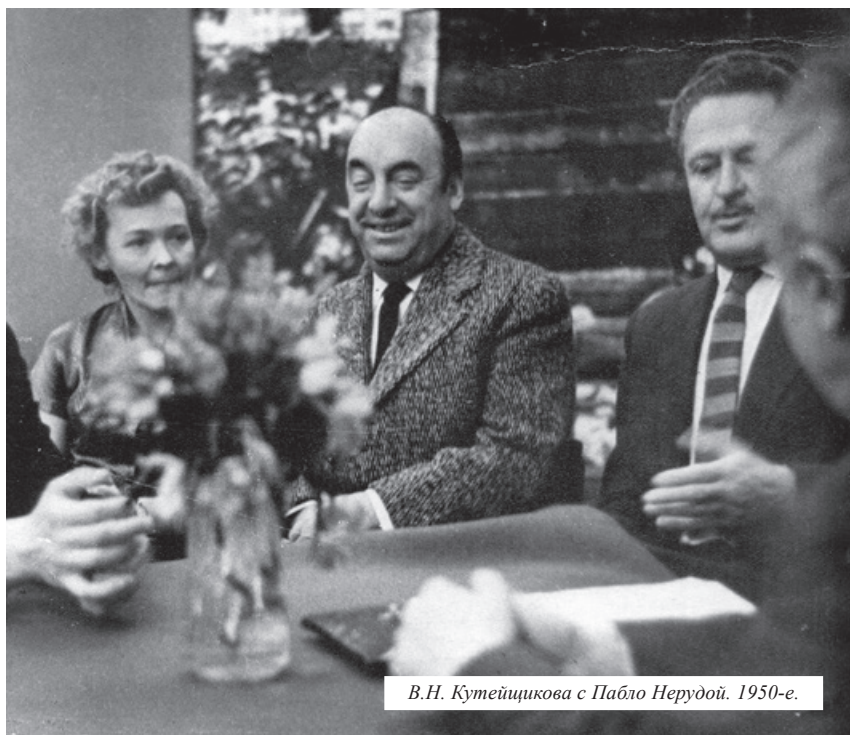
На высоком уровне и с большим пафосом проводилась в ВОКСе политическая работа: нам внушали, что, находясь на границе с чуждым, враждебным миром, мы должны не только проявлять идейную бдительность, но и строжайше соблюдать моральные нормы. Получение референтом-переводчиком подарка от иностранного гостя считалось криминалом. Позже было принято соломоново решение: чтобы не обидеть гостя, принять подарок и передать его в некий фонд (понятие весьма расплывчатое), — но и тогда, кажется, находились сотрудники, не боявшиеся ответственности и оставлявшие подарки в своем личном пользовании. Эта тема вошла в наш фольклор: мы сочинили куплеты о популярном уже в ту пору диснеевском мышонке Микки-Маусе, который ходил босиком, лишь бы его не заподозрили в получении иностранных чулок. [...]

В нашей среде ценились профессионализм, образованность, переводческое мастерство. Все это мне еще предстояло приобретать и осваивать: уровень моей подготовки весьма мало соответствовал столь высоким требованиям. [...] Прежде всего я взялась за испанский язык — в Москве тогда мало кто его знал. [...] Набирая темп в чтении, я не успевала вникнуть в грамматику. На помощь приходила дерзость — я начала самостоятельно складывать фразы, не думая о правилах¹.

Вскоре Вера Николаевна могла работать переводчиком и сопровождать гостей из Латинской Америки. Так она познакомилась с мексиканскими художниками Сикейросом и Риверой и с чилийцем Пабло Нерудой, с которым завязалась долгая и крепкая дружба. С 1949

¹ *Кутейщикова В.Н.* Москва – Мехико - Москва. Дорога длиною в жизнь. М.: Академический проект, 2000. С. 8–10.

по 1953 г. Вера Николаевна, как тогда говорили, «без отрыва от производства» училась в заочной аспирантуре на кафедре новой истории Исторического факультета МГУ, где подготовила и в 1953 г. защитила диссертацию, став кандидатом исторических наук. Одновременно она делала первые, но вполне решительные шаги в изучении латиноамериканской литературы и опубликовала ряд статей по этой тематике в «Литературной газете», «Известиях», журналах «Новый мир», «Звезда», «Вопросы истории»; а также издала две брошюры – «Пабло Неруда» (1952) и «Жоржи Амаду» (1954). С 1953 по 1955 г. она по совместительству преподавала на историческом факультете МГУ, где читала лекции и вела семинар по истории Мексики.

В.Н. Кутейщикова с Пабло Нерудой. 1950-е.

Окончательный выбор научного пути в направлении филологии произошел в 1956 г. Тогдашний директор Института мировой литературы АН СССР с удивлением и неудовольствием обнаружил, что в его институте есть специалисты по самым малым и экзотическим литературам, вроде эскимосской, и нет ни одного специалиста по литературам Латинской Америки, тогда как последняя включает в себя больше

двадцати стран, каждая со своей, иногда весьма богатой, литературной традицией. Абсурдную ситуацию надо было срочно исправлять, и он пригласил работать в институт сразу двух человек заниматься Латинской Америкой: Веру Николаевну отвечать за Испанскую Америку, а к ней в пару молодую талантливую Инессу Арташесовну Тертерян изучать литературу Бразилии. Почему выбор пал на В. Кутейщикову? Потому что других просто не было. Ф.В. Кельин, единственный на тот момент филолог, что-то знавший о латиноамериканской литературе, находился в пенсионном возрасте (63 года). Так что конкурентов у Веры Николаевны не имелось. Она же, уставшая от бесконечной нервозности – от работы в ВОКС, без особых раздумий согласилась и встала на путь литературоведения. Получилось же так, что оба они, директор ИМЛИ и Вера Николаевна, можно сказать, проявили ясно-

В.Н. Кутейщикова выступает с докладом

видческий дар. Пройдет три года, грянет Кубинская революция, и взоры Страны Советов будут прикованы к «пылающему континенту»; пройдет еще десяток лет и грянет «бум» «нового» латиноамериканского романа, и уже взоры всего мира будут прикованы к латиноамериканской литературе.

Итак, Вера Николаевна пошла в ИМЛИ торить тропу новой специализации, новой не только для института, но и для отечественной науки в целом. Чтобы придать обоснованность этой фразе, необходимо сделать небольшое историческое отступление.

В дореволюционной России имелась, пусть и скромная, школа испанистики в Санкт-Петербурге. Ее «отцом» считался

Д.К. Петров; активно работали и выпускали учеников В.Ф. Шишмарев, Б.А. Кржевский, А.А. Смирнов и др. Дело продолжалось и позже (первый перевод с испанского «Дон Кихота», 1929); и не случайно в 1937 г. на войну в Испании вербовали именно студентов Ленинградского университета, других, владевших языком, просто не было. В Советской России интерес к Испании пробудился во время гражданской войны 1936–1939 гг.; после нее вместе с детьми, эвакуированными из Испании, в стране появился довольно значительный слой людей, владеющих испанским языком. Первое отделение испанского языка было открыто на филологическом факультете МГУ в 1948 г.

Что же касается латиноамериканистики, то до середины 50-х годов XX в. в качестве самостоятельной отрасли филологической науки ее в российском литературоведении попросту не существовало. Ее не было, поскольку не имелось сколько-нибудь внятных представлений о латиноамериканской литературе. До революции был издан всего один латиноамериканский роман – «Амалия» аргентинского писателя Х. Мармоля². В сталинскую эпоху кое-что из латиноамериканской литературы переводилось. Однако известно, какие принципы отбора применялись при публикации зарубежной художественной литературы, и потому до середины 50-х гг. латиноамериканская литература была представлена далеко не лучшими произведениями, в основном все – про «нешадную эксплуатацию» и «антиимпериалистическую борьбу». Перечисление этих произведений не займет много места. Это антидиктаторские воспоминания венесуэльца Х.Р. Покатерры, изданные под названием «Венецуэльские мученики» (М.-Л., 1930, пер. с франц. Е.Д. Ивановой под ред. и с предисловием Г.Б. Сандомирского); неудачное упражнение в методе соцреализма – роман «Вольфрам» великого перуанского поэта С. Вальехо (М.-Л., 1932, предисловие Ф. Кельина); сборник рассказов «Южная и Караибская Америка» (Харьков, 1934, с предисловием Дж. Джерманетто и Ф. Кельина); «Пучина» – знаменитый роман колумбийца Х.Э. Риверы (М., 1935, с предисловием Ф. Кельина); роман об эксплуатации индейцев эквадорца Х. Икасы «Уасипунго» («Интернациональная литература», 1935, № 7); индехинистский роман перуанца Сиро Алегрии «В большом чуждом мире» (пер. с англ., М., 1944); социальный роман венесуэльца Р. Диаса

² Подробный обзор см. в приложениях «Литературные связи Латинской Америки и России» в первом (1985), втором (1989) и третьем (1994) томах Истории литератур Латинской Америки, автором которых была В.Н. Кутейщикова (см. подробнее Прим. 10).

Санчеса «Нефть» (М., 1948, сокр. пер. с исп., предисловие Н. Козюра); антиимпериалистический роман костариканца Л.К. Фальяса «Мамита Юнай» (М., 1952, предисловие Ф. Кельяна); роман верного адепта социалистического реализма мексиканца Х. Мансисидора «Роза ветров» (М., 1953, с предисловием С. Воробьева.). И, конечно, издания стихов «большого друга СССР» Пабло Неруды. Если в этом списке что-то пропущено, то этих пропусков немного. Вполне очевидно, что этот, очень тенденциозный, набор произведений не дает сколько-нибудь внятного представления о литературе Латинской Америки. Что же касается филологических работ о латиноамериканской литературе, то до середины 50-х гг., не считая разрозненных статей в газетах и журнале «Иностранная литература» все о тех же авторах (в том числе В.Н. Кутейшиковой), следует упомянуть книгу Д.И. Выгодского «Литература Испании и испанской Америки. 1898–1928» (1929), которая, как явствует из хронологического подзаголовка, не давала должного представления о латиноамериканской литературе XX в.

Вере Николаевне предстояла многотрудная задача изменить убогие представления советского читателя о латиноамериканской литературе и осмыслить ее на филологическом уровне, то есть существенно глубже и шире, нежели только «борьбу против эксплуатации и международного империализма». К решению этих задач она идет последовательно и целеустремленно: расширяет материал, вовлекая в круг исследования, помимо мексиканской литературы, кубинскую и венесуэльскую (предисловие к роману Р. Гальегоса «Канайма», 1959); раздвигает хронологические рамки, оглядываясь в начало XIX в. («Основоположник мексиканской литературы Ф. Лисарди» в «Известиях АН СССР», 1960).

Надо отметить, что с 1960 г. количество изданий латиноамериканской литературы резко возрастает – конечно же, благодаря кубинской революции; и основным жанром поначалу становятся сборники рассказов: «Мексиканские рассказы» (1960), «Золото, конь и человек» (тоже мексиканские рассказы, 1961), «Чилийские рассказы» (1961), «Аргентинские рассказы» (1962), «Венесуэльские рассказы» (1962) «Эквадорские рассказы» (1962). Эти сборники оказываются чрезвычайно полезными в двух отношениях: во-первых, позволяют представить какую-то панораму той или иной национальной литературы, чего не даст издание одного писателя или романа; а во-вторых, позволяют тихой сапой незамеченными цензурой «протащить» «в толпе» тех писателей, которые никогда не были «друзьями Советского Союза»,

и те произведения, какие по тематике очень далеко отстояли от всякого рода «борьбы».

В связи с публикаторской деятельностью хочу добрым словом вспомнить еще одну Матриарху российской латиноамериканистики, только в издательском деле: Стеллу Александровну Шмидт, которая ушла из жизни в октябре этого года. Она работала в издательстве «Художественная литература» в редакции ибероамериканской литературы со дня ее основания. Обладавшая безупречным литературным вкусом она к тому же была высококлассным редактором, и в большой степени именно благодаря ее профессионализму издания латиноамериканской литературы, выходявшие на протяжении 60–80-х гг., отличались высочайшим уровнем переводов и издательской подготовки.

Вернемся к Матриархе российской латиноамериканистики в области литературоведения. Собственно, таковой Вера Николаевна стала в 1964 г., когда вышла ее монография «Роман Латинской Америки в XX веке» (М., Наука). Эту книгу с полным на то основанием можно считать первым филологическим исследованием, где дается широкий взгляд на латиноамериканскую литературу и поднимается вопрос о ее типологическом своеобразии. Книга стала провозвестником того цивилизационного подхода, который будет разработан полтора десятилетия спустя. Поэтому я хочу уделить особое внимание этому этапному труду.

В шести главах книги анализируются шесть латиноамериканских романов, но рассматриваются они в широком национальном, иногда региональном литературном контексте, на что указывают названия глав. Имеет смысл привести оглавление книги:

Введение; *Глава I.* «Те, кто внизу» Мариано Асуэлы и романы о мексиканской революции; *Глава II.* «Пучина» Хосе Эустасио Риверы и литература «зеленого ада»; *Глава III.* Творчество Ромуло Гальгоса и концепция «варварство — цивилизация»; *Глава IV.* «Дон Сегундо Сомбра» Рикардо Гуиральдеса и эволюция образа гаучо в литературе Ла-Платы; *Глава V.* Индианистский роман андских стран. («Уасипунго»; Х. Икасы и «В большом чуждом мире» С. Алегрии); *Глава VI.* Антиимпериалистический роман в странах Карибского бассейна («Мамита Юнай» Л.К. Фальеса); *Глава VII.* Некоторые особенности романа Латинской Америки; *Заключение.* О путях развития романа Латинской Америки в послевоенный период.

Эта методика – рассматривать произведение в литературном, культурном, идейном контексте – будет принята как обязательная

в дальнейшей работе латиноамериканистов ИМЛИ; фактически же книга торила путь будущей «Истории литератур Латинской Америки». Во Введении, седьмой главе и в Заключении вопросы ставились еще шире: о своеобразии и типологических особенностях латиноамериканской литературы как общности. Здесь довольно много говорилось об эксплуатации, борьбе, антиимпериализме и о прочем в этом роде, а в Заключении присутствовал социалистический реализм; но надо понимать, что в то время без этих ритуальных камланий труд не прошел бы утверждение к печати на ученом совете ИМЛИ. Достаточно напомнить в этой связи печальную участь первого проекта истории литературы США³. Однако увидеть в книге Веры Николаевны только это – значит ничего в ней не увидеть.

Во Введении автор впервые обозначила проблему соотношения регионального и национального начал в литературе Латинской Америки, там же она подняла проблему европейских влияний, то есть соотношения заимствованного и самобытного в культуре Латинской Америки, и определила механизм усвоения заимствований как их преобразование в новое художественное качество. Все эти проблемы станут в центр дискуссий и размышлений в последующие три десятилетия. Можно сказать, в своей книге Вера Николаевна указала путь развития российской латиноамериканистики. А в Заключении автор впервые наметила «типологический портрет» латиноамериканской литературы.

В качестве ее главной характеристики она выделила органически присущий ей теллуризм, хотя слова этого не использовала, поскольку оно было не в ходу, и употребляла формулу «роман о земле» – но все, что о нем говорилось, соотносится с понятием «теллурический». Земля во множественных ее ипостасях – образ, место действия, герой, обретающий черты героя мифологического, притягательная сила, собеседник и мститель – такова основа, как мы нынче говорим, художественного кода или картины мира латиноамериканской литературы. Эта характеристика порождает другую: «Речь идет об исключительной роли природы в большинстве латиноамериканских романов, которая во многих случаях определяет весь художественный строй произведения. Мало сказать, что природа играет большую роль в романах; ее стихия,

³ См. *Панов С.И., Панова О.Ю.* «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья первая // *Литература двух Америк*. 2016. № 1. С. 194–242; Статья вторая // *Литература двух Америк*. 2017. № 2. С. 252–372.

наполняя собой жизнь людей, создает совершенно особый образный мир, который мог возникнуть лишь на этом огромном неосвоенном континенте»⁴. Вера Николаевна увидела и такую особенность образа природы, как его неместимость в европейские мерки – то, что автор этих строк позднее обозначит словом «сверхнормативность»: «В природе Америки все грандиозно: ее леса непроходимы; ее горы – самые высокие в мире; ее реки огромны, как моря»⁵. Не ускользнуло от ее внимания еще одно свойство латиноамериканского образа природы – его амбивалентность (слова этого она опять-таки не употребляла, поскольку еще не читала Бахтина, и говорила о противоречивости и двойственности): природа может быть опорой и покровительницей герою, но также способна околдовать его, свести с ума, поглотить и погубить его; соответственно и герой относится к ней с восхищением и с ужасом одновременно. Еще одна важная особенность латиноамериканского романа – ощутимая в нем «языческая мифологическая струя», «жизненность первобытного чувственного восприятия мира»⁶. Так открыта еще одна тропа в будущее – к размышлениям и дискуссиям по поводу латиноамериканского «магического реализма». Вера Николаевна говорит также о доминанте в художественном сознании латиноамериканцев стихийного эмоционального начала в противовес рационализму, что сказывается в неупорядоченной фрагментарной композиции романов; об эклектизме, присущем латиноамериканской культуре, вследствие чего в литературном произведении наблюдается взаимоналожение течений и влияний, «смешение средств и приемов»⁷. Все эти характеристики, приведенные по необходимости очень кратко и в усеченном виде, в целом ясно показывают, что Вера Николаевна с удивительной прозорливостью наметила программу латиноамериканистских штудий на полвека вперед.

А в Заключении с подзаголовком «О путях развития романа Латинской Америки в послевоенный период» автор, можно сказать, наметила издательскую программу на три десятилетия вперед. В этом разделе упоминаются и кратко характеризуются произведения тех латиноамериканских писателей, о которых русский читатель тогда еще

⁴ Кутейщикова В.Н. Роман Латинской Америки в XX веке. М.: Наука, 1964. С. 246.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 250, 251.

⁷ Там же. С. 254.

слыхом не слыхивал: аргентинцы Х.Л. Борхес и Э. Мальеа, парагваец А. Роа Бастос, кубинец А. Карпентьер, венесуэлец М. Отеро Сильва, мексиканцы А. Яньес и К. Фуэнтес и многие другие. Пройдет совсем немного времени, и книги их будут переведены на русский.

На следующий год книгу Веры Николаевны удачно дополнила монография «Бразильский роман XX века» (М., 1965) блистательной Инессы Арташесовны Тертерян. Она была, можно сказать, мастер на все руки: столь же глубоко и успешно занималась бразильской литературой, сколь испанской и испаноамериканской; а в «Истории всемирной литературы» была ответственным редактором тома, посвященного эпохе романтизма. Она стала ближайшей подругой Веры Николаевны, соавтором ряда научных работ, и ее безвременная смерть в 1986 г. стала для нашей героини страшным ударом. Между тем звучание латиноамериканской литературы год от года становилось все громче, поток издаваемой литературы вместе с интересом русскоязычного читателя все возрастал, и два человека на этом «хозяйстве» уже не справлялись. Тогдашний директор ИМЛИ, озабочившись этой проблемой, присмотрел и «переманил» к себе на работу молодого перспективного сотрудника из журнала «Латинская Америка». Валерий Борисович Земсков, пришедший в ИМЛИ в 1974 г., был человеком неукротимой энергии и очень широких интересов. Поначалу он специализировался на аргентинской поэзии гаучо, но неуклонно расширял свое исследовательское поле как вширь (Гарсиа Маркес, Карпентьер, негримз Антильских стран, литература кубинская, венесуэльская, колумбийская), так и вглубь веков (литературные памятники XVI–XVIII вв.). Однако прежде всего он был теоретиком, культурологом, выстраивая теорию цивилизационной особенности Латинской Америки.

Так в ИМЛИ возникло содружество людей, которое вскоре стало центром распространения идей и притяжения молодых сил. В 70-е гг. эта «могучая троица» выпустила ряд сборников статей и монографий, которые, помню, поразили меня, тогда начинающего латиноамериканиста, тем, на каком высоком концептуальном теоретическом уровне шел разговор. Нет, они вовсе не говорили на «птичьем языке», входившем в моду и понятном лишь посвященным, они писали просто, внятно, доступно, проникая при этом в самые глубины литератур и произведений. Не буду перечислять их монографии, сборники и статьи – научной продукции хватило бы на десятерых.

Но жанр юбилейной статьи обязывает упомянуть важнейшие публикации Веры Николаевны. В конце 60-х гг. она совместно с И. Тертерян погружается в изучение латиноамериканского романтизма и в соавторстве с подругой публикует очень значимую в теоретическом плане статью «Формирование национальных литератур Латинской Америки и романтизм»⁸. Любимую Мексику она не оставляет своим вниманием, и в 1971 г. выходит в свет ее монография «Мексиканский роман. Формирование. Своеобразие. Современный этап» – еще один решительный шаг по направлению к ордену Ацтекского Орла, которым будет награждена Вера Николаевна в сентябре 1985 г. за заслуги в изучении мексиканской литературы. Эта книга послужила основой докторской диссертации, успешно защищенной в 1972 г. Любимая Мексика не мешает смотреть по сторонам, одновременно Вера Николаевна занимается чилийской и перуанской литературами⁹; а также штудиями в области культурологии, результатом которых стала очень важная для всей гуманитарной латиноамериканистики книга, написанная в соавторстве с И. Тертерян, – «Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки» (М., 1978).

Кульминация этого периода научной деятельности – созданная совместно с Л.С. Осповатом книга «Новый латиноамериканский роман» (М.: Советский писатель, 1976). Жанр книги авторы скромно определили как «литературно-критические очерки», но на самом деле – это полноценное филологическое научное исследование с постановкой ряда насущных теоретических проблем. Передо мной на столе лежит эта книга – многожды мною читанная-перечитанная, оттого сильно потрепанная, с бесчисленным множеством подчеркиваний карандашом и с восклицательными знаками на полях. Не место здесь пересказывать и разбирать концепции авторов; хочу лишь обратить внимание на то новое, что отличает эту книгу от родоначальницы российской литературоведческой латиноамериканистики, книги В.Н. Кутейщиковой «Роман Латинской Америки в XX веке». Как говорилось, та работа в большой степени определила «идейный каркас» и пути развития

⁸ В.Н. Кутейщикова, И.А. Тертерян. Формирование национальных литератур Латинской Америки и романтизм // Формирование национальных литератур Латинской Америки / Отв. ред. В.Н. Кутейщикова. М.: Наука, 1970. С. 3–35.

⁹ В.Н. Кутейщикова. Роль индейского фольклора в развитии перуанской литературы; О специфике формирования чилийской прозы // Художественное своеобразие литератур Латинской Америки / Отв. ред. И.А. Тертерян. М.: Наука, 1976. С. 49–76; С. 281–306.

нашей области науки, и в книге 1976 года эта преемственность ясно ощущается; но есть и принципиально новые моменты. Понятно, что здесь представлен иной набор авторов: М.А. Астуриас, А. Карпентьер, Х. Рульфо, К. Фуэнтес, А. Роа Бастос, Х. Кортасар, М. Варгас Льоса, Г. Гарсиа Маркес. Понятно, что всякого рода «борьбы» здесь стало существенно меньше, а словосочетание «социалистический реализм» и вовсе исчезло из лексикона. Анализ произведений поднялся на иной уровень: стал более тонким, глубоким, искусным, проникающим сквозь внешнюю сюжетно-тематическую оболочку произведения к мировидению автора. Если же говорить о проблематике и интерпретациях, то нужно выделить следующие моменты. Первый: в латиноамериканской литературе «появился» «роман о городе», которого вовсе не было в книге 1964 года, где безраздельно царил «роман о земле». Речь идет не о городской тематике как таковой, а об индивидуализме, психологизме, экзистенциализме, воплотившихся в произведениях Х. Кортасара, К. Фуэнтеса, М. Варгаса Льосы, Х.К. Онетти и других писателей. Тем самым латиноамериканская литература приобрела многомерность, о чем открыто и неоднократно говорится во Введении. Нельзя, утверждают авторы, определять качество латиноамериканской литературы на основе выделения и генерализации какого-то одного признака; и потому она несводима ни к теллуризму, ни к мифологизму и магическому реализму. Вместе с тем – и это второй новаторский момент – разговор о мифе ведется совсем с других позиций, гораздо более широких, выходящих за рамки народной культуры. Видно, что авторы прочитали ряд работ по мифологии отечественных и зарубежных ученых, которые в начале 60-х гг. либо еще не появились, либо находились под спудом, и стали понимать миф в русле коллективного бессознательного, фантастического видения действительности, свойственного отнюдь не только фольклорным слоям. А третье новшество связано с пристальным и увлеченным чтением работ Бахтина, в первую очередь его книги о Рабле. Вследствие этого на страницах книги, особенно в главе о Гарсиа Маркесе, часто возникают рассуждения о смеховой культуре и о карнавальном мировидении латиноамериканца.

Как говорилось, все представители «могучей тройцы» отличались невероятной работоспособностью и научной продуктивностью. И все же оторопь берет от их судьбоносного решения, принятого в конце 70-х гг., писать историю литератур Латинской Америки. Не какие-нибудь там «очерки по истории литератур», книгу, куда каждый пришел бы с тремя-четырьмя темами, а полноценную академическую

историю в пяти томах! Труда подобного масштаба не имелось ни в Латинской Америке, ни в Испании, ни в США. «Безумство храбрых» должно было бы усмиряться здравым подсчетом имеющихся сил и средств. Внештатных авторов можно было привлечь только по теме индейской мифологии и литературе (Р.В. Кинжалов, Ю.А. Зубрицкий, А.Д. Дридзо); что же касается испано- и португалоязычной литературы, то их попросту не было: следующее поколение латиноамериканистов, ныне поседевшее, тогда еще только начинало свой путь в науке. Стало быть, рассчитывать приходилось лишь на свои силы.

Сложность и одновременно величайшее новаторство проекта состояли в следующем. Как в испанском, так и в латиноамериканском литературоведении традиционно доминировало снисходительно-пренебрежительное отношение к литературе колониального периода: считалось, что в целом она представляла собою подражание испанским образцам, и потому в ряде работ историю латиноамериканской литературы начинали с эпохи Войны за независимость. Вершинные явления колониальной литературы – эпическую поэму «Араукана» Алонсо де Эрсилья-и-Суньиги и творчество великой поэтессы Хуаны Инес де ла Крус испанцы объявляли принадлежностью своей литературной традиции, в чем латиноамериканцы с ними охотно соглашались. Что же касается обширнейшего пласта хроник и документов эпохи Конквисты, то их не то что к латиноамериканской, а вообще к литературе не относили: мол, чистая историография. Из русского далека ситуация виделась совсем иначе. В.Б. Земсков с одобрения коллег разработал концепцию, согласно которой формирование латиноамериканской литературы и культуры началось в самых ранних памятниках словесности, созданных в Новом Свете или о Новом Свете, буквально с дневника первого путешествия Колумба. Действительно, его дневники и письма содержат зародыши тех художественных образов, оппозиций, тем и мифологем, которые впоследствии получают развитие в латиноамериканской культуре: это, прежде всего, образ чудесной земли и корневая оппозиция Старый Свет / Новый Свет, утверждавшая ту идею, что новооткрытые земли – иной мир, в корне отличный от европейского; это образы «естественного человека», «добраго дикаря» и «злого дикаря» – будущих героев латиноамериканского искусства; наконец, это образ земного рая («открытого» Колумбом в дельте Ориноко во время третьего путешествия) – ему тоже будет суждена долгая жизнь в латиноамериканской культуре. Именно в литературе раннеколониальной эпохи обозначились и закрепились те устойчивые

художественные элементы, которые вошли «в плоть и кровь» латиноамериканской литературы и во многом определили своеобразие ее художественного кода.

Если так, то историю латиноамериканской литературы надо было начинать *ab ovo*, то есть с хроник и документов Конкисты, и затем представлять и анализировать литературу колониальной эпохи именно как составную часть латиноамериканской литературы. Поскольку за триста лет в Латинской Америке было создано множество литературных памятников, было решено весь первый том посвятить словесности XVI–XVIII вв. Между тем ни один из «могучей троицы» до того колониальной литературой не занимался, так что им предстояло осваивать совершенно новый для себя материал.

Нравы в советской науке царили строгие. Если книга вставлена в научный план, то пути к отступлению были отрезаны. Это не вольготные 90-е и нулевые годы, когда сдачу книги «по объективным обстоятельствам» можно было задержать на год-другой, а можно было и не сдать вовсе. Так латиноамериканисты ИМЛИ нашли в жизни место подвигу. И подвиг был совершен: в 1985 г. вышел первый том «Истории литератур Латинской Америки», аналога которому не имелось в мире. Книгу эту в основном выгасил на себе В.Б. Земсков – она послужила основой его докторской диссертации – но и две подруги приняли в ней отнюдь не символическое участие. Вера Николаевна написала ряд очень важных и сложных глав: о творчестве знаменитого перуанского хрониста Инки Гарсиласо де ла Веги; обзорные главы о литературе XVII и XVIII вв., а кроме того, взяла на себя интереснейший раздел о литературных связях Латинской Америки и России, представленный в этом и в последующих двух томах¹⁰. Раздел же этот требовал колоссального труда по сбору в одно целое мелких и разрозненных фактов. А вот второй том «Истории...» (1810-е – 1870-е годы) вытягивала на себе Вера Николаевна, будучи его ответственным редактором: она, помимо Введения, написала в него одиннадцать важнейших глав.

¹⁰ Кутейщикова В.Н. Литературные связи Иберийской Америки и России в XVI–XVIII вв. // История литератур Латинской Америки: В 5 т. Т. 1. От древнейших времен до начала Войны за независимость. М.: Наука, 1985. С. 632–657; Кутейщикова В.Н., Файнштейн М.Ш. Литературные связи Латинской Америки и России // Там же. Т. 2. От Войны за независимость до завершения национальной государственной консолидации (1810–1870-е годы). М.: Наука, 1989. С. 583–636; Кутейщикова В.Н. Литературные связи Латинской Америки и России // Там же. Т. 3. Конец XIX – начало XX века. (1880–1910-е годы). М.: Наследие, 1994. С. 629–640.

В третьем томе ее присутствие отмечено скромнее, но достойно: главы о литературах Мексики и Парагвая и неизменные «Литературные связи». В четвертый том (20-е–80-е гг. XX века) писать главу о литературе Мексики она наотрез отказалась, пояснив, мол, все, что могу сказать по этой теме, я уже сказала, и повторяться не хочу, и пусть кто-то напишет что-либо новое; и этим «кем-то» назначила меня. На самом деле, как мне думается, она несколько устала от академического жанра, и душа ее склонялась к другому письму. Зато она очень ретиво и увлеченно взялась работать над «Литературными связями», полгода, а то и год собирала материал, а потом опустила руки: материала оказалось такое громадное изобилие, что он никак не мог вместиться в «приложение». На заседании редколлегии тома было решено от этого приложения отказаться, сделав соответствующее разъяснение во Введении.

Да, с конца 90-х Вера Николаевна привлек совсем другой жанр, в котором она написала свою последнюю книгу, упомянутую в начале статьи: «Москва — Мехико — Москва. Дорога длиною в жизнь»¹¹. С обложки этой книги на читателя смотрит репродукция картины известного мексиканского художника Карлоса Масиэля под названием «Русская женщина с мечтами о Мексике в глубине души». Картина была специально создана для оформления книги и, стало быть, призвана представлять собой духовный портрет автора и его произведения. Масиэль (будучи не только оформителем, но и одним из многочисленных героев книги) с присущим ему художественным чутьем очень верно выразил ее содержание, и потому слова Веры Николаевны о своем труде звучат в унисон названию картины: «Итак, перед вами — страницы биографии российского мексиканиста, а конкретнее — женщины, которая, более полувека назад влюбившись в Мексику и с годами влюбляясь в нее все сильнее, посвятила себя изучению этой страны, приобщению соотечественников к ее культуре»¹².

Но эта книга — вовсе не научный труд, и, хотя она, бесспорно, имеет информативную ценность, не столько этим привлечет читателя. Друзья и коллеги автора единодушно сошлись во мнении,

¹¹ О книге В.Н. Кутейщиковой «Москва — Мехико — Москва. Дорога длиною в жизнь» см. также: *Кофман А.Ф.* Маршрут культуры (Вера Кутейщикова. Москва — Мехико — Москва. Дорога длиною в жизнь. М.: Академический проект, 2000) // Иностранная литература. 2001. №7. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2001/7/marshrut-kultury.html>

¹² *Кутейщикова В.Н.* Москва – Мехико – Москва. Дорога длиною в жизнь. С. 3.

что Вера Николаевна изобрела новый жанр, определить который в системе устоявшихся категорий не так-то просто. Вряд ли то была сознательная установка автора, скорее всего, этот синтетический жанр родился спонтанно, из совмещения личности творца — «женщины, влюбленной в Мексику» — с объектом своей влюбленности. С первого взгляда хочется отнести эту книгу к мемуарной литературе, тем более что основания для этого дают и подзаголовок, и вступление, и обилие личных воспоминаний. Вместе с тем в классическом мемуарном жанре образ автора находится в центре повествования, и, соответственно, описываются преимущественно те события и персонажи, которые имели непосредственное отношение к жизни автора. Здесь это не так: автор вовсе не претендует на центральное место в книге, посвященной главным образом истории дипломатических и культурных отношений Мексики с советской и постсоветской Россией. Российская мексиканка не склонна переоценивать свою роль в этом процессе, хотя и стала после А. Коллонтай второй русской женщиной, получившей от мексиканского правительства почетный орден «Ацтекский орел». В самой объемной, второй части книги описано множество событий и персонажей, с которыми автор напрямую не соприкасался, к тому же здесь представлен ряд ценных и малоизвестных фактов, почерпнутых из архивов. Однако меньше всего книге в целом подошел бы в качестве названия вполне академичный заголовок и подзаголовок ее второй части («Полувековой диалог. Из истории советско-мексиканских культурных отношений»), поскольку исторические факты, изложенные вольно, даны в очень личном эмоциональном восприятии и — если не прямо, то косвенно — в сопряжении с судьбой автора. Особенности жанра книги воплощены и в ее композиции: обширный исторический раздел обрамляют чисто мемуарные главы. Так что в жанровом отношении книга получилась очень латиноамериканская, в русле характерного для латиноамериканской словесности эклектизма, о чем автор писала еще в начале своего творческого пути.

Книга начинается с воспоминаний В.Н. Кутейщиковой о ее работе в ВОКСе – частично они приведены в начале этой публикации.

Вторая часть книги, как говорилось, очень далеко отстоит от научной историографии: она написана в такой манере, что нисколько не контрастирует с мемуарными частями, а скорее образует с ними внутреннее нерасторжимое единство. И в этом видится одна из главных удач книги. Вера Николаевна избрала верную стратегию: не стала составлять реестр фактов и событий, располагая их в строгом

хронологическом порядке, а изложила историю отношений двух стран фрагментарно, как бы в серии очерков. Причем в этих очерках на первом плане всегда стоят не события, а личности. Написанные живым языком, сопровождаемые эмоциональными авторскими комментариями, а где возможно, и воспоминаниями, эти психологические портреты нередко близки рассказам. С захватывающим интересом читаются главы о пребывании в Мексике Маяковского и Эйзенштейна, о политических виражах Риверы и Сикейроса, об охоте на Троцкого, о представителях мексиканской «искьерды» (левых политических сил). Главное, что удалось передать автору, — дух эпохи, стиль мышления людей, увлеченных идеей построения коммунистического общества. Ведь практически все мексиканцы, с кем довелось общаться Вере Николаевне, если не были ярыми приверженцами коммунистических идеалов, так или иначе испытали на себе их воздействие. Именно здесь, в сфере идеологии, разворачивается магистральный, хотя и скрытый сюжет всей книги, и состоит он в постепенном, а для многих мучительном преодолении утопических иллюзий. Разумеется, далеко не всем героям этой книги было дано «выздороветь», но многие из тех, кому довелось перешагнуть 80-е гг., нашли в себе мужество пересмотреть прежние воззрения. Сказанное касается и самой Веры Николаевны с ее редкостной способностью очень трезво судить о себе.

В третьей части книги автор рассказывает преимущественно о своей второй поездке в Мексику в 1978 г. В 1956 г., когда молодая сотрудница ВОКСа первый раз посетила Мексику, она еще очень немного знала об этой стране и воспринимала увиденное довольно поверхностным, туристическим взглядом. Двадцать лет спустя в Мексику прибыл другой человек — глубокий знаток национальной культуры, имевший к тому же обширный круг знакомств и дружеских связей. Новое углубленное видение мексиканской действительности Вера Николаевна в полной мере сумела донести до читателя, которому вместе с автором предстоит совершить увлекательную прогулку по улицам Мехико, побывать в Национальном музее антропологии и во дворце Чапультепек, восхититься узорочьем барочных алтарей, полюбоваться на индейские пирамиды, побывать на Юкатане и в Табаско... И снова портреты — незабываемые портреты простых мексиканцев и деятелей культуры.

Вера Николаевна побывала в Мексике еще два раза. В 1986 г. ей присудили звание почетного профессора UNAM (Национальный Автономный Университет Мексики) и ее пригласил ректор Университета. В последний

раз она прибыла в Мексику в 1990 г. в связи с презентацией книги Льва Самойловича «Диего Ривера», изданной на испанском языке. Об этой поездке автор книги поминает очень кратко, почти вскользь. Можно понять, почему: не Мексика, а родная страна занимала в ту пору ее мысли.

Дома с Л.С. Осоватом. 1970-е.

Об этом она почти прямо говорит на страницах книги: «По окончании вечера¹³ заговорили о событиях, происходящих в нашей стране, о достаточно напряженной политической ситуации. Уже рухнула Берлинская стена, все сильнее ощущались подземные толчки в фундаменте Советского Союза, до распада которого оставалось полтора года»¹⁴. Мария Элена, вдова мексиканского философа Леопольдо Сеа и близкая подруга Веры Николаевны, рассказывала мне, как в день ее прилета они зашли в кондитерскую купить что-нибудь к чаю (помню я эту кондитерскую, набитую невообразимыми пирогами и сладостями), и увидев эту роскошь и вспомнив московские магазины того времени, Вера Николаевна разрыдалась...

В завершающей части книги («На пороге новой эпохи») звучат голоса двух нобелевских лауреатов: это стихи Иосифа Бродского о Мексике и мысли Октавио Паса о России. Бродский и Пас неоднократно встречались и были дружны: взаимопонимание великих поэтов XX в., русского и мексиканского, автор воспринимает как символ духовной связи двух столь отдаленных друг от друга стран и, как показывает ее книга, столь близких культур.

У Веры Николаевны был, как говорится, счастливый характер. Это когда своим поведением и мироотношением человек украшает свою жизнь, а не усложняет ее. С людьми ей антипатичными она не вступала в конфликты и выяснение отношений – она просто максимально отдаляла их от себя, общаясь с ними лишь по мере необходимости. К быту была совершенно равнодушна: мебель, посуда и прочее для нее ни самостоятельной ценности, ни отдельной значимости не имели, это был лишь вспомогательный материал для жизни. А жизнь заключалась в творчестве и в общении с друзьями, разбросанными по всему миру. Ее дом был открыт для гостей, здесь часто собиралась тесная компания, куда и мне посчастливилось войти, и наши встречи вспоминаю как праздники души. Вера Николаевна была очень стойким и жизнерадостным человеком, падать духом, плакаться было совсем не в ее обычае. Последние годы она провела прикованная к постели после перелома шейки бедра, но наши встречи и посиделки регулярно продолжались. Ни разу я не услышал от нее жалобы на свое состояние; напротив того, как-то раз она сказала: «Я очень счастливый человек.

¹³ Речь идет о презентации книги Л.С. Осповата, состоявшейся в доме-музее Диего Риверы в районе Сан-Анхель.

¹⁴ *Кутейщикова В.Н.* Москва – Мехико – Москва. Дорога длиною в жизнь. С. 344.

Ведь до сих пор я только один раз лежала в больнице – когда рожала сына». Но и в «лежачем положении» она оставалась счастливым человеком: были книги и радио (политические события являлись темой постоянных обсуждений в доме), были общение с родными и друзьями, а главное, рядом находился любимый «Левчик», неизменно чуткий и заботливый. Увы, и его уход из жизни ей пришлось пережить.

Сейчас, честно скажу, наша отрасль науки находится не в лучшем состоянии. После кончины В.Б. Земскова, который активно занимался объединением латиноамериканистов, выпуская коллективные сборники под названием «Iberica Americans», наше сообщество развалилось, специалистов в области литератур Латинской Америки осталось крайне мало, а приток молодых очень незначителен. Однако не хотелось бы на этой ноте завершать статью о Вере Николаевне – это совсем не в ее духе. С надеждой посмотрим в будущее; и можно с уверенностью сказать, что всякий, кто решит заниматься латиноамериканской литературой, с благодарностью вспомнит Веру Николаевну Кутейщикову и двух ее младших коллег.

ЛИТЕРАТУРА

История литератур Латинской Америки: В 5 т. / Отв. ред. В.Б. Земсков, А.Ф. Кофман, В.Н. Кутейщикова и др.; гл. ред. изд. Н.И. Балашов, Г.В. Степанов. М.: Наука; Наследие; ИМЛИ РАН, 1985–2005.

Кофман А.Ф. Маршрут культуры (Вера Кутейщикова. Москва — Мехико — Москва. Дорога длиною в жизнь. М.: Академический проект, 2000) // Иностранная литература. 2001. №7. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2001/7/marshrut-kultury.html>

Кутейщикова В.Н. Мексиканский роман. Формирование. Своеобразие. Современный этап. М.: Наука, 1971.

Кутейщикова В.Н. Москва – Мехико – Москва. Дорога длиною в жизнь. М.: Академический проект, 2000.

Кутейщикова В.Н. Роман Латинской Америки в XX веке. М.: Наука, 1964.

Кутейщикова В.Н., Основат Л.С. Новый латиноамериканский роман. М.: Советский писатель, 1976.

Кутейщикова В.Н., Тертерян И.А. Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М.: Наука, 1978.

Панов С.И., Панова О.Ю. «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья первая // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242.

Панов С.И., Панова О.Ю. «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья вторая // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 252–372.

Формирование национальных литератур Латинской Америки / Отв. ред. В.Н. Кутейщикова. М.: Наука, 1970.

Художественное своеобразие литератур Латинской Америки / Отв. ред. И.А. Тертерян. М.: Наука, 1976.

REFERENCES

Formirovanie natsional'nykh literatur Latinskoj Ameriki [Formation of the Latin American National Literatures], ed. V.N. Kuteishchikova. Moscow: Nauka Publ., 1970. (In Russ.)

Istoriia literatur Latinskoj Ameriki [History of Latin American Literatures]: in 5 vols., eds. V.B. Zemskov, A.F. Kofman, V.N. Kuteishchikova et al.; executive editors N.I. Balashov, G.V. Stepanov. Moscow: Nauka, Nasledie, IMLI RAN Publ., 1985–2005. (In Russ.)

Khudozhestvennoe svoeobrazie literatur Latinskoj Ameriki [Artistic Specificity of Latin American Literatures], ed. I.A. Terterian. Moscow: Nauka Publ., 1976. (In Russ.)

Kofman, A.F. “Marshrut kul'tury (Vera Kuteishchikova. Moskva — Meksiko — Moskva. Doroga dlinoiu v zhizn'. M.: Akademicheskii proekt, 2000).” [“A Route of Culture (Vera Kuteishchikova. Moscow–Mexico–Moscow. A Lifelong Road. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2000).” *Inostrannaia literatura* 7 (2001). Online at <https://magazines.gorky.media/inostran/2001/7/marshrut-kulturny.html> (In Russ.)

Kuteishchikova, V.N. *Meksikanskii roman. Formirovanie. Svoeobrazie. Sovremennyi etap* [Mexican Novel. Formation. Originality. Contemporary Period]. Moscow: Nauka Publ., 1971. (In Russ.)

Kuteishchikova, V.N. *Moskva – Meksiko – Moskva. Doroga dlinoiu v zhizn'* [Moscow – Mexico – Moscow. A Lifelong Road]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2000. (In Russ.)

Kuteishchikova, V.N. *Roman Latinskoj Ameriki v XX veke* [Latin American Novel in the XX Century]. Moscow: Nauka Publ., 1964. (In Russ.)

Kuteishchikova, V.N., Ospovat, L.S. *Novyi latinoamerikanskii roman* [New Latin American Novel]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1976. (In Russ.)

Kuteishchikova, V.N.; Terterian, I.A. *Kontseptsii istoriko-kul'turnoi samobytnosti Latinskoj Ameriki*. [Concepts of Cultural and Historical Self-Identity of Latin America]. Moscow: Nauka Publ., 1978. (In Russ.)

Panov, S.I., Panova, O.Yu. “‘Istoriia amerikanskoi literatury’ v sovetskoj Akademii nauk. Stat'ia pervaja.” [“American Literary History and the Soviet Academy of Sciences. Article 1.”] *Literature of the Americas* 1 (2016): 194–242. (In Russ.)

Panov, S.I., Panova, O.Yu. “‘Istoriia amerikanskoi literatury’ v sovetskoj Akademii nauk. Stat'ia vtoraja.” [“American Literary History and the Soviet Academy of Sciences. Article 2.”] *Literature of the Americas* 2 (2017): 252–372. (In Russ.)

Received: 5 Sept. 2020

Date of publication: 30 Nov. 2020